

Научная статья
УДК 81'42:81'27
doi: 10.17223/19986645/91/2

Иерархическая тематическая структура устного спонтанного текста: этническая вариативность

Елена Валентиновна Ерофеева^{1, 2}, Екатерина Сергеевна Худякова³

^{1, 3} Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} elenerofee@gmail.com

³ khudiakova.es@gmail.com

Аннотация. Рассматривается иерархическая тематическая структура спонтанного монолога «О себе», порождаемого на русском языке билингвами – коми-пермяками и татарами. Предлагаемая структура включает иерархию тематических блоков и семантических групп, наполняющих эти блоки. Анализ текстов показывает, что их структура варьирует в зависимости от группы билингвов: набор тематических блоков и их объем отражают ценность этих «элементов жизни» для этнической группы, а набор семантических групп в блоке – культурно специфичный отбор объектов и явлений, соотносимых с темой.

Ключевые слова: устный спонтанный текст, тематические блоки, семантические группы, иерархическая структура, коми-пермяки, татары, монолог «О себе»

Благодарности: работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900009-2.

Для цитирования: Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Иерархическая тематическая структура устного спонтанного текста: этническая вариативность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 22–48. doi: 10.17223/19986645/91/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/2

Hierarchical thematic structure of oral spontaneous text: Ethnic variability

Elena V. Erofeeva^{1, 2}, Ekaterina S. Khudyakova³

^{1, 3} Perm State University, Perm, Russian Federation

² St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ elenerofee@gmail.com

² khudiakova.es@gmail.com

Abstract. The article considers the variability of the hierarchical thematic structure of a spontaneous text in Russian depending on the ethnic group of the bilinguals who

generate the text. The hierarchical thematic structure proposed by the authors includes a set of thematic text blocks, their hierarchy, their recurrence or uniqueness among different speakers, semantic groups of vocabulary included in thematic blocks, and the hierarchy of these semantic blocks. Such a structure generally repeats the classical model of discourse structuring according to Teun A. van Dijk: macrostructure → themes → microthemes. The hypothesis of the study was that the proposed text model does not depend solely on the language used, but is assimilated along with the native culture. Thus, the problem of cultural determination of the hierarchical structure of the text generated by bilinguals on the same topic and in a common language is considered. The specific subject of research is the variability of the hierarchical thematic structure of texts spontaneously generated in Russian by bilinguals – Komi-Permyaks and Tatars – on the topic “I, myself”. The research material was spontaneous texts-monologues in Russian received from 22 Tatar and 23 Komi-Permyak informants; the total volume of texts is 10,523 words. In these texts, using van Dijk’s method of macro-propositional analysis, thematic blocks were identified; for each identified thematic block, a frequency dictionary of lexemes was automatically obtained using the PYMORPHY2 LIBRARY. The qualitative content of the blocks was analyzed by identifying semantic groups of nouns within the block, since it is nouns that are associated with the object categorization of the referent. The analysis of the texts showed that the thematic structure in the Russian-language texts of bilinguals has a core – the most frequent thematic blocks found in all life stories, and a non-nuclear zone, in which thematic blocks with different content are concentrated, and blocks that are unique for each of the studied groups of bilinguals. The specificity of the structure of texts in different groups of bilinguals is found already at the level of nuclear thematic blocks. An analysis of the semantic groups of lexis without referring them to thematic blocks does not reveal a stable structure of the text, since in each ethnic group it can participate in filling various blocks. However, such an analysis turns out to be indicative if the lexis within the thematic block is qualitatively considered: the semantics of lexical units shows the value orientations of the ethnic groups’ representatives. In general, the analysis of the texts demonstrates that the set of thematic blocks and their significance for the text reflect the social and psychological value of these “elements of life” for the ethnic group; a set of lexemes that implement thematic blocks indicates the categorization of this spheres of life, a culturally specific selection of objects and phenomena related to the topic. The bilingual ethnicity influences the hierarchical thematic structure of the text in their common language: Komi-Permyaks and Tatars generate texts with different structures.

Keywords: oral spontaneous text, thematic blocks, semantic groups, hierarchical structure, Komi-Permyaks, Tatars, monologue “I, myself”

Acknowledgements: The study was supported by St Petersburg University, Project No. 124032900009-2.

For citation: Erofeeva, E.V. & Khudyakova, E.S. (2024) Hierarchical thematic structure of oral spontaneous text: Ethnic variability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 22–48. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/2

Введение

Проблема структурирования устного дискурса является одной из актуальнейших в современном языкознании [1–4]. Такого рода структура может пониматься: а) как локальная (в таком случае выделяются и анализируются

минимальные единицы синтаксического и просодического членения, элементарные дискурсивные единицы – синтагмы и фразы) [3. С. 56]; б) как глобальная, для которой пока не существует общепринятой модели. При рассмотрении локальной структуры А.А. Кибрик и В.И. Подлесская используют понятие устного дискурса, практически синонимичного понятию устной речи [3. С. 25], однако при исследовании макроструктуры устного дискурса для обозначения функционального цельного и связного объекта обычно используется термин «текст» (см., например, применение именно данного термина указанными авторами [3. С. 462]), поскольку дискурс реализуется в конкретных текстах, которые его формируют и являются его таксономическими единицами. Поэтому изучение дискурса обычно происходит на материале конкретных текстов. «Родовая характеристика дискурсивных исследований состоит в том, что они ориентированы на какой-то конкретный жанр или группу близких жанров» [3. С. 36], а жанр рассматривается как текстовая категория. Представленное исследование также выполнено в дискурсивной парадигме, при этом материалом выступают устные тексты автобиографического жанра как единицы, реализующие дискурс.

Существует несколько подходов к проблеме макроструктурирования дискурса и, соответственно, несколько моделей структуры текста, которые, по мнению Э. Хоуи, можно разделить на структуралистские и функциональные [5. Р. 364].

Наиболее популярными среди структуралистских моделей являются теория дискурсивной репрезентации (Discourse Representation Theory), разработанная Л. Полани [6] и Н. Ашером [7], в которой ментальная репрезентация, лежащая «за» текстом, представлена в виде семантической сети, а также модель иерархической тематической структуры, предполагающая, что клауза (или группа клауз), функционирующая как гипертема, предопределяет паттерн выбора тем, содержащихся в данной фазе текста (в традиционной российской терминологии – тематические блоки, см.: [8. С. 200]), а макротемы предопределяют серии гипертем в тексте [9. С. 193], что в целом повторяет классическую модель структурирования дискурса по Т. ван Дейку: макроструктура → темы → микротемы [10. Р. 115]. Далее в работе развивается именно иерархическая тематическая модель структуры текста.

Представления об иерархичности развертывания текстов соотносимы с классическими психолингвистическими представлениями о его сущности. Глубинная смысловая структура, напрямую не связанная с лингвистическими единицами, осмысливается в психолингвистике как цельность текста: она обеспечивается «замкнутой смысловой системой» [11. С. 201; см. также: 12], возникающей в процессе порождения и восприятия текста. Цельность текста, по Н.И. Жинкину, создается тем, что существует предмет высказывания (текста). Элементами структуры текста в данном случае становятся предмет и его признаки [13. С. 185]. «...При порождении целого текста происходит <...> процесс иерархизации предикаций во внутренней программе» [14. С. 115] (см. также: [15. Т. 1]). Какой бы метод выявления «представления-образа» [16. С. 33], глубинной предикации, макропропозиции, «общего

смысла (концепта) текста» [17. С. 159] ни использовался, так или иначе затрагивается лексико-грамматическая «поверхность» текста; лингвист, по сути, повторяет деятельность читателя / слушателя: «...следуя по этим фиксированным сигналам, можно заново восстановить текст» [18. С. 364].

При функциональном подходе к структуре устного текста выделяются единицы членения – «пассажи» (отрывки/эпизоды), отличающиеся функционально и характеризующиеся лексико-грамматической гомогенностью: повествовательные, описательные, объяснительные, аргументативные и инструктивные [4. Р. 275; 19].

Таким образом, можно видеть, что оба подхода – и структуралистский, и функциональный – так или иначе опираются на семантику.

Иерархический тематический подход успешно применяется для компьютерной обработки текста [20]. При таком анализе все единицы текста относятся к семантическим категориям, которые, в свою очередь, к темам, а последние – к гипертемам (см. [21. Р. 32]). Так, в указанной статье именные лексемы отнесены к 14 семантическим категориям, соответствующим шести темам, например, гипертерма «Политика» включает тему «Экономика», к которой отнесены семантические категории «бюджет», «рынок», «сельское хозяйство», «промышленность», «наука» и «технологии». Однако такой подход не учитывает синтаксические связи единиц текста и подходит для исследования текстов предметных областей с явной тематической отнесенностью лексики (чаще всего терминологической). Опирается на семантику текста можно видеть также в [22], где структура устного текста представлена через иерархию и связи блоков текста, организованных по семантическому принципу.

Итак, учет семантики и иерархии компонентов важен при любых попытках структурирования устного дискурса на макроуровне. В данной работе также применяются иерархический и семантический принципы структурирования устных спонтанных текстов.

Представленное в статье исследование тематической структуры устного текста билингва в некоторой степени затрагивает глобальные, сформулированные А.А. Кибриком еще в 2009 г., вопросы изучения дискурса: «какие разновидности дискурсов встречаются и какие классификационные параметры могут использоваться для их типологизирования?», «из каких компонентов строится дискурс?», «как дискурсивные явления связаны с другими лингвистическими явлениями?» [1. С. 4]. Поставленные вопросы могут решаться на одних типах текстов успешнее, чем на других. Согласно М.Б. Бергельсон ряд текстов, содержательно «центральных» для человеческого сообщества, к которым относятся и «рассказы о жизни», представляют интерес для типологизации содержания: «Они представляют особый интерес и для социолингвистики, и для когнитивной психологии, поскольку именно через особенности вербализации личностно важного и выделенного опыта психологи получают возможность анализировать особенности хранения такой информации и обращения к ней» [23. С. 79–80]. Поэтому тематическое

членение рассказов о жизни человека – один из возможных подходов к анализу организации макроструктуры устного текста, а выявление варьирования тематической структуры устного текста в зависимости от первого языка говорящего имеет когнитивные перспективы.

Структурирование жизненного опыта, отраженное в ментальной модели текста о жизни, прямо зависит от культуры говорящего: «В рассказе о жизни человек пытается ответить на вопросы “что сделало меня тем, кто я есть”, “что нужно знать обо мне, чтобы понять кто я”. Конкретное наполнение рассказов о жизни, их содержательная структура в огромной степени определяются конкретной культурой. Каждая жизнь содержит те или иные вехи (выбор профессии, создание семьи, серьезные изменения мировоззрения), но и сам набор их, и их значимость суть разные в разных культурах. Рассказ о жизни обычно состоит из множества встроенных мини-рассказов» [23. С. 81].

Тематическая организация текстов диалектоносителей рассмотрена А.И. Бурановой на основании количественного анализа лексико-тематических групп: выявлено преобладание лексики тематической группы «Человек» в текстах, к ближней периферии отнесены лексико-тематические группы «Медицина», «Быт», «Природа» [24]. В данной статье рассматривается частота реализации понятийных (тематических) областей лексики в целом тексте вне зависимости от его структурных компонентов, иными словами, «фактически предполагается осуществление семантической, а не тематической разметки» [25. С. 48]. Полученный перечень лексико-тематических групп указывает на отражение в текстах жителей сельской местности относительно устойчивой картины мира. Схожие результаты получены также в работах томских диалектологов [26, 27].

Отмеченные свойства рассказов о жизни – отражение культурных «вех» и включение отдельных микротем – делают их важным материалом при изучении структурирования устного текста. Поэтому гипотезой настоящего исследования стало предположение о том, что иерархическая тематическая модель текста не зависит исключительно от используемого языка, но усваивается вместе с родной культурой. Впервые исследуется иерархическая тематическая структура текстов билингвов – носителей разных культур, выявляется ее этноспецифичность. Новизна представленного в статье исследования заключается в применении новой модели иерархической структуры устного текста, объединяющей модель иерархической тематической макроструктуры (см.: [8]) с семантической микроструктурой лексического (поверхностного) наполнения текста, что позволяет учитывать качественно-количественные различия устных спонтанных текстов двух выборок информантов.

Предметом настоящего исследования является тематическая структура спонтанно порождаемых билингвами текстов на русском языке на тему «О себе», а также соотнесение этой структуры с семантикой лексики, наполняющей тематические блоки. Тематические блоки рассматриваются в данной статье как единицы макроструктурирования текста – части текста, реализующие одну макропропозицию, т.е. тематические блоки имеют одну тему и выражены синтаксически.

Тематическая структура текста рассматривается в данном случае не просто как иерархия тематических блоков, реализующих одну тему и отражающихся в оперативной памяти при порождении и восприятии текста [28. С. 168], но и как иерархия семантических групп лексики (понимаемых традиционно как группы лексики, объединенные на основе общего семантического признака), формирующей тематические блоки (рис. 1).

Рис. 1. Схема иерархической тематической структуры текста

Как видно из рис. 1, одинаковые семантические группы лексики могут использоваться в разных тематических блоках, но с разной активностью. Тематические блоки и семантические группы – единицы разного порядка (глубинного и поверхностного); они представляют собой два уровня членения текста, которые вместе формируют его семантику.

Сопоставление структур текстов билингвов, у которых первые языки разные, а второй единый – в данном случае русский, позволит выявить влияние первого языка (и культуры) на тематическую структуру текста.

Материал и методы исследования

Материалом исследования стали спонтанные монологи на тему «О себе» на русском языке, полученные от билингвов – коми-пермяков (22 текста) и татар (23 текста).

Информанты-татары являются уроженцами Ординского района Пермского края, в настоящее время большинство из них проживает в с. Карьево Ординского района. Из 23 информантов 14 женщин и 9 мужчин, 14 имеют среднее образование, 2 – неоконченное среднее, 4 – высшее, 3 – неоконченное высшее; возраст информантов-татар варьирует от 14 до 79 лет. Информанты коми-пермяки проживают в разных деревнях Коми-Пермяцкого округа Пермского края, в основном в Кудымкарском и Кочёвском районах. Среди 22 информантов коми-пермяков 20 женщин, 2 мужчин; 8 – со средним образованием, 3 – с высшим, 11 – с неоконченным высшим; их возраст варьирует от 20 до 89 лет. Несмотря на несбалансированность выборки, по своей сути случайной, социальные характеристики информантов примерно отвечают соотношению представителей разных социальных групп населения районов и отражают специфику полевой работы в сельских районах¹. Поскольку проблема исследования связана с выявлением варьирования иерархической структуры текста в зависимости от родного языка говорящего, а не с социальными параметрами отдельных информантов, такая выборка информантов является валидной.

Информантов просили рассказать о себе; тема раскрывалась по усмотрению говорящего, тексты являлись спонтанными, интервьюер не вмешивался в процесс их порождения. Транскрипты спонтанных монологов вместе с данными по каждому информанту опубликованы в [33, 34]. Общий объем текстов составил 10 523 словоупотребления (6 694 словоупотребления в текстах коми-пермяков, 3 829 словоупотреблений в текстах татар).

Методика работы предполагала членение и объединение тематических блоков согласно следующему алгоритму анализа:

- в высказываниях размечались актантные и предикативные единицы; определялась семантика этих единиц;
- по правилам иерархической организации дискурса пропозиции объединялись в более крупные единицы – тематические блоки (для нескольких высказываний с актантами, характеризующимися общей родовой семантикой, но с разными предикатами, описывающими одну ситуацию);
- при членении устных текстов на текстовые блоки учитывались также дискурсивные маркеры границ блоков (наличие инициальных и финальных дискурсивов типа *ну, вот, что еще сказать?*, единое интонационное оформление, наличие пауз на границе, отсутствие анафорических показателей когезии на границе блоков).

¹ Независимо от проблемы исследования, психологи, психолингвисты и социолингвисты активно применяют метод случайной выборки, особенно в кросс-культурных исследованиях; при этом и объемы выборок могут быть неравными [29. С. 33; 30. С. 190; 31. Р. 6; 32]. В монографии С. Дорофеева и П. Гранта, посвященной использованию случайной выборки в научных исследованиях, прямо указывается, что случайная выборка может применяться для различных групп населения, относительно которых решаются различные исследовательские задачи [31. Р. 6].

Таким образом, методика анализа предполагала движение сверху вниз: сначала выделение тематических блоков, затем анализ семантических групп лексики внутри каждого из блоков.

Приведем для примера небольшой отрывок текста женщины коми-пермячки 89 лет и покажем методику анализа на этом отрывке.

Ой (вздых) // Потом я вышла на пенсию / а-а / в семь(де)сят / в семь(де)сят третьем году // Ой (вздых) // Муж у меня безногий был // Я с ним повозилась // Одиннадцать лет безногий был //

Этот отрывок делится на два тематических блока «Пенсия» (*Потом я вышла на пенсию / а-а / в семь(де)сят / в семь(де)сят третьем году //*) и «Семья» (*Муж у меня безногий был // Я с ним повозилась // Одиннадцать лет безногий был //*). Основания для разделения на данные блоки следующие.

1. Макропропозициональный анализ, повторяющий методику, подробно описанную в [8. С. 200; 9. Р. 193; 10. Р. 115; 20; 21], на основании которой выделяются макропропозиции *Я – вышла на пенсию* (тематический блок «Пенсия») и *Муж – безногий был* (тематический блок «Семья»). Пропозиции *я – провозилась* и повтор *муж – безногий был* по правилу построения Т. ван Дейка (предполагает замену последовательности пропозиций, обозначающих временные или логические условия какой-либо ситуации, на пропозицию, выведенную из всего ряда [35. С. 44]), объединяются в один тематический блок «Семья».

2. Просодическое оформление границы тематических блоков в тексте, а именно длительная пауза на границе блоков (5 500 мс), а также более глубокое падение тона в конце фразы на границе блока (рис. 2).

3. Наличие дискурсивов (*ой*) и паралингвистических метамаркеров (вздохов) на границе блоков.

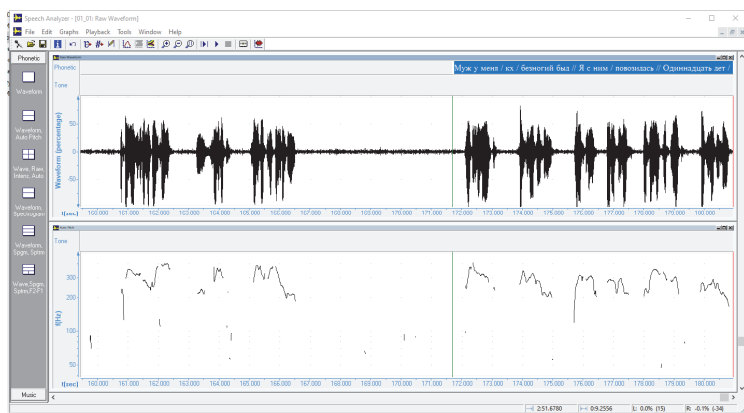

Рис. 2. Визуализация просодической границы тематических блоков

Далее проводилось автоматическое сведение всех словоупотреблений к лексемам с помощью библиотеки *rumorphy2* (<https://github.com/rumorphy2/rumorphy2>). Например, для рассмотренного блока «Семья», автоматически

был получен список лексем с указанной частотностью *муж* (2), *безногий* (2), *быть*, *я*, *повозиться*, *одинадцать*, *год*.

В результате для каждого текста были получены наборы тематических блоков, а также словник каждого тематического блока. Далее лексика совпадающих тематических блоков в текстах разных информантов объединялась с учетом частоты и формировались частотные словники каждого тематического блока.

Следующий этап анализа – определение качественного наполнения блоков – производился путем выделения семантических групп (подтем) существительных внутри блока. Отнесение лексем к семантическим группам и выделение групп осуществлялось на основе «Большого толкового словаря русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко [36]. Анализовалась семантика существительных, поскольку именно они передают предметные значения и связаны с объектной категоризацией референта. Значение слов и принадлежность их к той или иной семантической группе определялись контекстуально. В соответствии с контекстным значением слово могло входить в несколько семантических групп одновременно. Например: *В выходные дни хожу по ягоды / по грибы // Тут / у нас / все / почти / ягоды и грибы растут //* – в данном контексте слова *ягоды* и *грибы* относятся одновременно к семантическим группам «Природа» и «Еда».

Помимо качественного семантического анализа для сопоставления тематических блоков и семантических групп (подтем) использовались количественные методы, позволяющие определить объем структурных компонентов текста и выстроить их иерархию¹.

Иерархия тематических блоков в текстах билингвов

В результате анализа спонтанных текстов на русском языке на тему «О себе», полученных от коми-пермяков и татар, было выделено 14 тематических блоков, состав и относительные объемы (рассчитывались относительно общего объема текста в словоупотреблениях) которых представлены на рис. 3. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что структура тематической организации текста «О себе» на русском языке отличается у коми-пермяков и татар как с точки зрения включения/отсутствия некоторых блоков, так и с точки зрения их объема, т. е. иерархии блоков в тематической структуре текста.

¹ В более ранней нашей статье [37] на данном материале проводился поверхностный анализ количественных характеристик тематических блоков текстов, который рассматривался как пилотное исследование. Подробного семантического анализа входящих в блоки лексем, сопоставления ядерных компонентов тематической структуры текста коми-пермяков и татар, а также анализа иерархии тематических структур текста ранее не производилось.

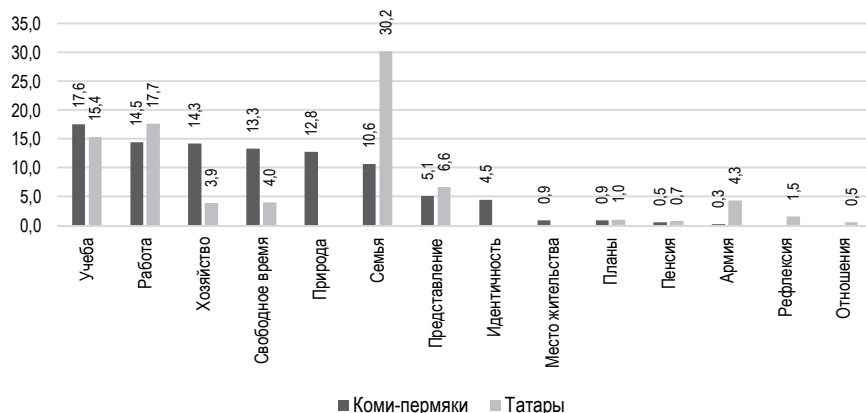

Рис. 3. Объемы тематических блоков в текстах коми-пермяков и татар, %

Так, состав тематических блоков, которые билингвы актуализируют в текстах на русском (втором) языке не совпадает: только у коми-пермяков в текстах присутствуют тематические блоки «Природа», «Идентичность» (имеется в виду этническая идентичность) и «Место жительства»; только у татар в текстах актуализированы тематические блоки «Рефлексия» и «Отношения».

Объемы некоторых тематических блоков (а именно блоков «Учеба», «Работа», «Представление») примерно совпадают в текстах разных групп билингвов, в то время как объемы других блоков могут довольно сильно варьировать. Например, блоки «Хозяйство», «Свободное время» значительно объемнее в текстах коми-пермяков, тогда как блоки «Семья» и «Армия» больше по объему в текстах татар.

В таблице показано превалирование объемов блоков в текстах коми-пермяков или татар вне зависимости от величины разницы между объемами (если объем блока больше в текстах данной этнической группы, в таблице стоит знак «плюс»). Анализ данных, визуализированный в таблице, демонстрирует тенденции, которые уже были отмечены в [38, 39] при анализе ментальных лексиконов коми-пермяков и татар.

Коми-пермяки, рассказывая о себе, значительно чаще татар актуализируют в тексте различные аспекты, связанные с этнической идентичностью: саму этническую идентичность, место жительства, уклад хозяйства и свободное время (обычно связанные с традиционным образом жизни), а также рассказы о природе. Эти данные коррелируют с выводами этнологов о связи этнической идентичности коми-пермяков с традиционными способами ведения хозяйства: «...коми-пермяцкая этничность закреплена за сельским образом жизни и связана с такими традиционными промыслами, как рыбалка, охота, собирательство (в основном даров леса – грибов, ягод, различных трав и т. п.) [40. С. 14].

**Превалирование тематических блоков
в текстах одной этнической группы на фоне другой**

Тематический блок	Тексты коми-пермяков	Тексты татар
Учеба	+	
Работа		+
Хозяйство	+	
Свободное время	+	
Природа	+	
Семья		+
Представление		+
Идентичность (этническая)	+	
Место жительства	+	
Планы		+
Пенсия		+
Армия		+
Рефлексия		+
Отношения		+

Социологи и этнографы в конце XX в. отмечали деэтнизацию коми-пермяцкого населения, как городского, так и сельского [41. С. 69], однако более поздние данные об иерархии идентичностей коми-пермяков свидетельствуют о том, что «этнический компонент играет приоритетную роль в самоопределении респондентов; 85,7% опрошенных поставили этническое в “Я-самоопределении” на первое место и 14,3% – на второе» [42. С. 137] (см. также [43. С. 150]). Слабую актуализацию блока «Семья» в текстах коми-пермяков нельзя назвать случайной: социологи отмечают, что при ранжировании общности с социальными группами у коми-пермяков семья оказывается на последнем месте, проигрывая всем социальным группам от гражданско-правовых движений, политических партий и россиян в целом, которые занимают лидирующие позиции, до коллег, сверстников и друзей, которые значительно уступают первым трем позициям, однако в 3–4 раза превышают значимость семьи [44].

Татары в текстах о себе обращают большее внимание на социальные аспекты жизни: самопредставление (вписывание себя в социальный контекст), семью, работу, пенсию, армию, межличностные отношения, планы на жизнь и рефлексия относительно себя в социуме. На первый взгляд из этой закономерности выбивается тематический блок «Учеба», который у коми-пермяков имеет немногим больший объем, чем у татар. Вероятно, это можно объяснить тем, что учеба – это процесс становления социальных характеристик человека, в то время как татары ориентированы прежде всего на результат, на состоявшийся социальный статус.

Эти результаты соотносятся с полученными на основе опросов данными этнопсихологов и социологов о ценностных установках татар. Так, опираясь на исследования религиозных групп татар, Я.З. Гарипов и Р.В. Нурулина описывают структуру ценностных установок татар следующим образом: на первом месте оказываются религиозные ценности (53% опрошенных), далее

следует здоровье (43%), счастливая семейная жизнь (41,5%) и знания (26%) [45. С. 127]. Р.М. Шамионов и Е.Е. Бочарова, анализируя ценностные ориентации татар Саратовского региона, не приводят статистику, однако указывают, что в этнической группе татар значимы ценности «интересная работа» и «материально-обеспеченная жизнь», что можно объединить в обобщенную ценность – «работа, приносящая материальный достаток», высока также роль ценности «наличие хороших и верных друзей» [46]. Иерархию ценностей, в которой семья занимает первое место (родственные связи, религия, язык) приводит и И.Г. Комарова [47. С. 162]. О роли семьи в этнической идентификации татар см. также [48–50]. Таким образом, набор ведущих этнических ценностей татар, помимо религиозных убеждений (а в данном случае респондентами являлась не религиозная группа), составляют наличие социальных связей, крепкие семейные отношения, материальный успех, а также телесное здоровье.

Иерархическая тематическая структура текста по трем наиболее значимым – ядерным – компонентам у коми-пермяков и татар представлена на рис. 4. Можно видеть, что соотношение ядерных и остальных компонентов в текстах коми-пермяков и татар разное: в текстах татар ядерные компоненты покрывают более половины (57,3%) словоупотреблений, в то время как в текстах коми-пермяков большая часть – это неядерные компоненты (53,6%). Это свидетельствует о большей типизированности текстов, порождаемых татарами, т.е. можно сделать аккуратное предположение и о том, что у татар на фоне коми-пермяков представление «себя» через текст является более распространенным, а оттого и более типичным, так как они чаще слышат и реализуют данный тип текста.

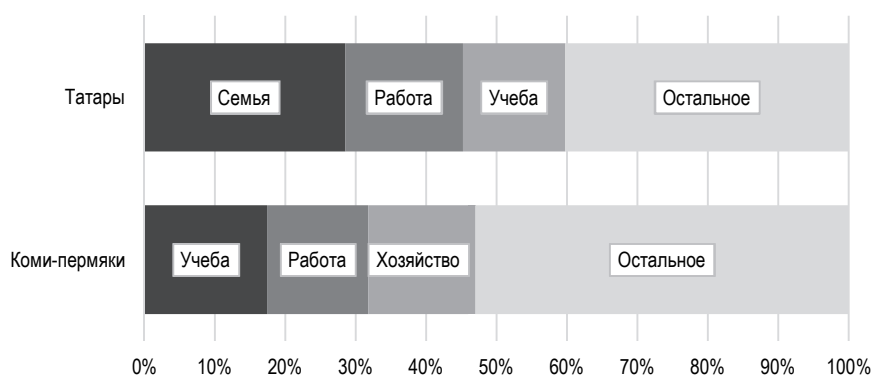

Рис. 4. Соотношение ядерных компонентов тематической структуры текста у коми-пермяков и татар, %

Из наиболее важных тематических компонентов в структуре текста коми-пермяков и татар два («Учеба» и «Работа») совпадают, однако занимают разные места в структурной иерархии; в то же время в ядро тематичес-

ской структуры текстов «О себе» у каждой этнической группы входят разные компоненты: «Хозяйство» у коми-пермяков и «Семья» у татар. Это может свидетельствовать о том, что свое место в мире и та и другая группы определяют через три важнейших компонента – учебу, работу и семью, которая, возможно, переосмысливается у коми-пермяков через общность хозяйственной деятельности. Однако иерархия этих компонентов выстраивается по-разному: у татар ведущей оказывается семья, а у коми-пермяков – учеба.

Отличаются в текстах коми-пермяков и татар не только объемы и иерархия тематических групп, но и их качественное наполнение, поэтому перейдем к рассмотрению семантических групп внутри тематических блоков.

Иерархия семантических групп внутри тематических блоков

Объем статьи не позволяет рассмотреть все тематические блоки с точки зрения их семантического наполнения, поэтому остановимся только на двух блоках – «Хозяйство» и «Семья». Выбор именно этих тематических блоков обусловлен их положением в структуре устного монолога «О себе» у коми-пермяков и татар: оба блока входят в число ядерных компонентов тематической структуры текста у разных этнических групп, но частотность этих блоков у коми-пермяков и татар разная.

Тематический блок «Хозяйство». Семантика единиц, наполняющих тематический блок «Хозяйство», может быть «этнографически» своеобразной: коми-пермяки и татары Пермского края, являясь в основном сельскими жителями, проживают на противоположных краях региона, в разных климатических условиях, традиционно ведут разный тип хозяйственной деятельности. Действительно, анализ семантики существительных, использованных информантами в высказываниях, входящих в тематический блок «Хозяйство» (282 словоупотребления у коми-пермяков и 84 у татар), показал, что информанты описывают хозяйство с разных точек зрения, в связи с чем внутри блока выделяется достаточно большое количество семантических групп (17 у коми-пермяков и 14 у татар). Состав и объемы групп в текстах обеих этнических групп представлены на рис. 5 (относительные объемы семантических групп рассчитывались от общего числа существительных в тематическом блоке). Очевидно, что последние пять групп имеют объемы ниже 1% от общего числа существительных и не имеют большого веса в формировании текстового блока.

На рис. 5 можно видеть, что коми-пермяки чаще рассказывают о еде и домашних животных; только у них в рамках этого блока встречаются упоминания об одежде и учебе. Татары уделяют гораздо больше внимания описанию дома, растениеводству, семье, работе и свободному времени; только у них в текстах встречается семантическая группа «транспорт».

С одной стороны, это может быть связано с устройством быта (например, большей ориентированностью на скотоводство у коми-пермяков и на растениеводство у татар, поскольку они живут в более теплом климате), однако такие группы, как «дом», «семья» и «еда» показывают, что интерпретация

темы даже внутри одного тематического блока оказывается разной у представителей разных этносов.

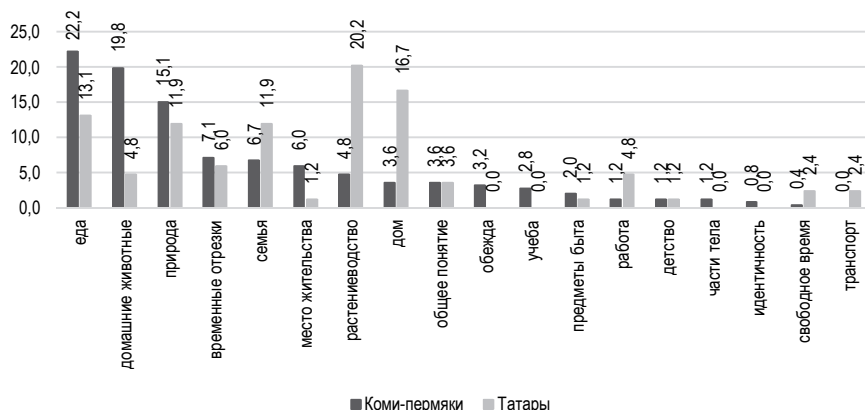

Рис. 5. Объемы семантических групп в тематическом блоке «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар, %

Соотношение ядерных (три наиболее объемных семантических группы) и неядерных компонентов тематического блока «Хозяйство» представлено на рис. 6. Ядра блока «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар включают только один общий компонент – семантическую группу «еда», хотя она занимает разное место в иерархии групп. Кроме семантической группы «еда», в ядро семантической структуры тематического блока «Хозяйство» у коми-пермяков входят группы «домашние животные» и «природа», а у татар – «растениеводство» (самая крупная семантическая группа в структуре блока) и «дом».

Совокупный объем ядра в данном случае выше в текстах коми-пермяков (57,1%), по сравнению с текстами татар (50%), что, очевидно, свидетельствует о большей типизированности группы «Хозяйство» для коми-пермяков.

Рассмотрим лексический состав семантических групп, формирующих ядро текстового блока «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар.

У коми-пермяков семантическая группа «еда» представлена 56 словоупотреблениями 28 лексем: *гриб* (9), *хлеб* (4), *пирог/пирожок* (3), *брусника* (2), *лисичка* (2), *морошка* (2), *пи́стик* (диалектное название хвоща, молодые ростки которого используются коми-пермяками в пищу) (2), *рыжик* (2), *картошка* (2), *вкус* (2), *молоко* (2), *пиво* (2), *суп* (2), *яйцо* (2), *блюдо*, *гнёт*, *заготовка*, *каша*, *лёгкое*, *мука*, *мясо*, *сметанка*, *соление*, *сур* (коми-пермяцкое пиво), *чай*, *черинянь* (коми-пермяцкий пирог с рыбой), *шаньга* (уральская ватрушка с картофелем). Разнообразие семантической группы «еда» в текстах коми-пермяков довольно велико и включает дикорастущие растения, употребляемые в пищу (пересечение с группой «Природа»), культивируемые растения (пересечение с группой «Растениеводство»), продукты питания и различные блюда, в том числе национальные.

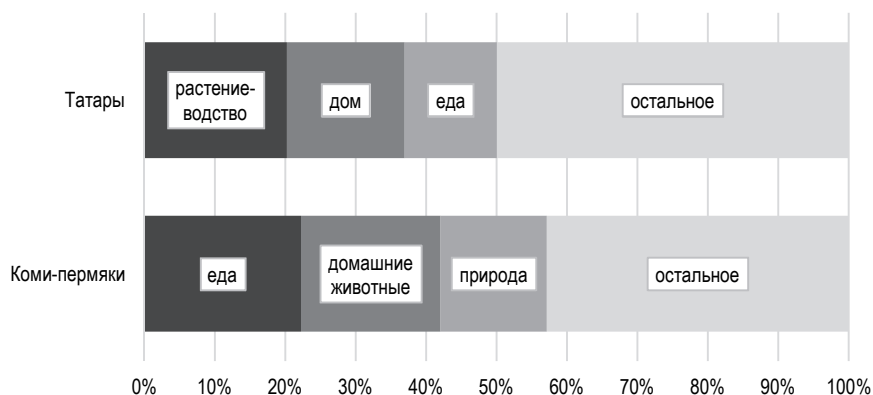

Рис. 6. Соотношение ядерных семантических компонентов тематического блока «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар, %

Семантическая группа «домашние животные» в текстах коми-пермяков включает 50 словоупотреблений (18 разных слов): *корова* (10), *овца* (7), *гусь* (5), *курица/куры* (5), *животное* (4), *свинья/порсез* (коми-перм. 'свиньи') (3), *телёнок* (3), *бык* (2), *кот/кошка* (2), *скот/скотинка* (2), *коза*, *кролик*, *лошадь*, *поросёнок*, *птица*, *пчела*, *собака*. В основном в данную группу входят названия разводимых животных и птиц. Группа не пересекается с другими семантическими группами.

Семантическая группа «природа» представлена в текстах коми-пермяков 38 словоупотреблениями (15 лексем): *гриб* (9), *зима* (4), *ягода* (5), *брусника* (2), *весна* (2), *время* (2), *лисичка* (2), *морошка* (2), *осень* (2), *пистик* (2), *рыжик* (2), *гора*, *лес*, *лето*, *мороз*. Многие слова этой группы повторяют лексемы, вошедшие в семантическую группу «еда»; кроме них в группу «природа» вошли слова, называющие временные отрезки (в данном случае – времена года) и природный ландшафт. Обращает на себя внимание тот факт, что слово *зима* употребляется информантами в два раза чаще, чем названия других времен года, к тому же упоминают говорящие и *мороз*, что, очевидно, является отражением важности длительного зимнего периода на Урале для ведения хозяйства.

У татар в группу «растениеводство» попало 17 словоупотреблений 10 слов: *картошка* (4), *огород* (4), *ягода* (2), *земляника*, *капуста*, *морковь*, *смородина*, *сotka*, *теплица*, *цветок*. В основном слова этой группы называют сам огород и огородные растения, употребляемые в пищу (пересечение с группой «еда»).

Семантическая группа «дом» у татар включает 14 словоупотреблений 5 слов: *дом* (10), *баня*, *дрова*, *евроремонт*, *ремонт*. Частотным здесь является слово *дом*, использованное почти половиной информантов (для сравнения – коми-пермяки употребили это слово всего три раза). Данная группа имеет пересечение только с группой «предметы быта» (через единственную лексику *дрова*).

В семантическую группу «еда» в текстах татар вошли 11 словоупотреблений 7 слов: *картошка* (4), *ягода* (2), *гриб*, *земляника*, *капуста*, *морковь*, *смородина*. Разнообразие перечисленных продуктов питания у татар меньше, называются только дикорастущие растения, употребляемые в пищу, и культивируемые растения, что обуславливает пересечение данной группы с семантической группой «растениеводство».

Если более подробно рассмотреть пересечения между ядерными семантическими группами в тематическом блоке «Хозяйство», то очевидны взаимопереплетения семантических групп «еда» и «природа» у коми-пермяков и группами «еда» и «растениеводство» у татар.

Так, у коми-пермяков в семантической группе «еда» 56 словоупотреблений, в группе «природа» – 38, в группе «растениеводство» – 15. Слов, входящих одновременно и в группу «еда» и в группу «природа», – 24, что составляет 43% от группы «еда» и 63% от группы «природа»; слов, входящих одновременно и в группы «еда» и «растениеводство», – 7, что составляет 13% от группы «еда» и 47% от группы «растениеводство».

Для татар характерны обратные тенденции. В довольно небольшой группе существительных, посвященных еде (11), 8 относятся одновременно к семантической группе «растениеводство» (всего в эту группу входят 17 словоупотреблений) и лишь 3 – к группе «природа» (объем этой группы – 10 словоупотреблений). Пересечение семантической группы «еда» с указанными подгруппами составляет 65% в первом случае и 30% – во втором.

Таким образом, у коми-пермяков наблюдается довольно сильное взаимопереплетение группы «еда» с группой «природа» и довольно слабое с группой «растениеводство», что свидетельствует об активном использовании в пищу коми-пермяками даров природы, о сохранении этих традиций до сих пор; о традиционном укладе хозяйства свидетельствуют также активно употребляемые коми-пермяками национальные блюда и укоренившиеся способы приготовления пищи. Что касается татар, то их пищевой рацион в большей степени ориентирован не на дикую природу, а на культивируемые растения. Интересно при этом, что вся группа «еда» состоит у татар исключительно из растений; очевидно, это связано с тем, что слова этой группы появлялись в монологах в основном именно в контекстах, описывающих огород и выращиваемые на нем растения.

Тематический блок «Семья». Семья играет ведущую роль в процессе социализации индивида, именно в семье закладывается базовая картина мира, в том числе и этническая. В связи с этим анализ семантики слов, входящих в тематический блок «Семья», представляет интерес не только потому, что этот блок показывает значительную разницу в объеме в текстах коми-пермяков и татар, но также и потому, что его наполнение может продемонстрировать разные аспекты осмысления ближайшего окружения человека в разных культурах.

Анализ семантики существительных, использованных информантами в высказываниях, входящих в тематический блок «Семья», показал, что, несмотря на большую разницу в объемах блоков (293 словоупотребления у

коми-пермяков и 532 – у татар), актуализация различных аспектов семейной жизни у коми-пермяков и татар в целом довольно похожа, однако можно выделить и различия.

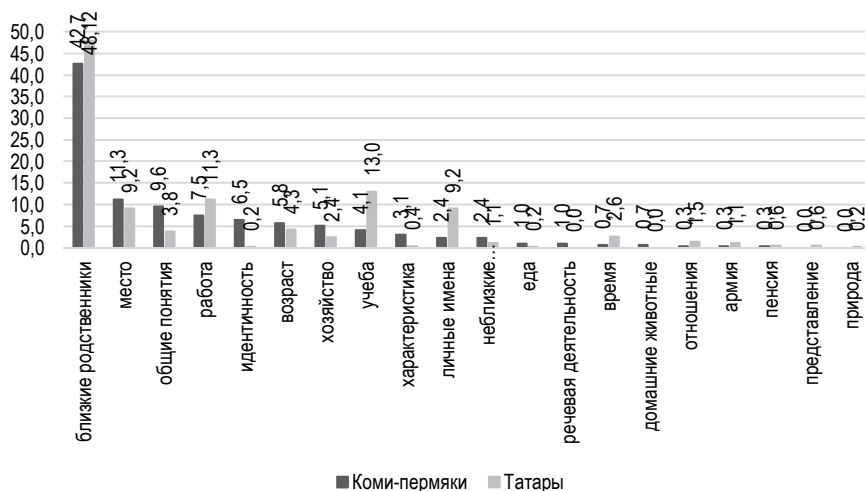

Рис. 7. Объемы семантических групп в тематическом блоке «Семья» в текстах коми-пермяков и татар, %

Состав и объемы семантических групп в текстах обеих этнических групп представлены на рис. 7 (относительные объемы семантических групп рассчитывались от общего числа существительных в тематическом блоке). У коми-пермяков в тематическом блоке «Семья» выделяется 18 семантических групп, а у татар – 19, однако последние девять групп имеют крайне низкие объемы (1% или ниже) и не имеют значительного влияния на структуру тематического блока «Семья».

Коми-пермяки чаще рассказывают о месте (рождения, жительства, длительного пребывания) и чаще употребляют общие понятия; только у них внутри этого блока встречаются упоминания о домашних животных. Татары чаще коми-пермяков говорят о близких родственниках, работе и учебе, упоминают личные имена и временные отрезки; только у них в текстах встречаются семантические группы «представление» и «природа».

Интересно отметить некоторые моменты, которые заметны при сопоставлении общей тематической структуры текста и семантических групп внутри тематических блоков «Хозяйство» и «Семья».

1. Тематический блок «Учеба» имеет чуть больший объем в текстах коми-пермяков (см. рис. 3) и только у них семантическая группа «учеба» встречается в составе тематического блока «Хозяйство» (см. рис. 5). Однако у татар данная семантическая группа гораздо чаще, чем у коми-пермяков, представлена в составе тематического блока «Семья» (см. рис. 7).

2. Тематический блок «Природа» выделяется только в текстах коми-пермяков (см. рис. 3); в тематическом блоке «Хозяйство» объем семантической группы «природа» у коми-пермяков выше, чем у татар, но несущественно (см. рис. 5); но в тематическом блоке «Семья» семантическая группа «природа» встречается, хотя и очень редко, только у татар (см. рис. 7).

Эти наблюдения позволяют сделать довольно важный, с нашей точки зрения, вывод о том, что тематическая структура текста не может быть описана достоверно без привлечения данных о семантических группах лексики, входящей в состав тематического блока, поскольку блоки наполняются определенной лексикой в зависимости от социального опыта человека и социальной группы (не только этнической, но и других – профессиональных, поколенческих и т.п.), в которую он входит.

Соотношение ядерных и неядерных компонентов тематического блока «Семья» представлено на рис. 8. Ядра блока «Семья» в текстах коми-пермяков и татар включают только один общий компонент – семантическую группу «близкие родственники», которая в обоих случаях занимает ведущее место в иерархии групп, однако имеет чуть больший объем в текстах татар. Помимо данной группы, в ядро семантической структуры тематического блока «Семья» у коми-пермяков входят группы «место» и «общие понятия», а у татар – группы «учеба» и «работа».

Отметим, что в данном случае объем ядерных семантических групп оказался несколько выше в текстах татар (72,4%), чем в текстах коми-пермяков (64,6%), что косвенно свидетельствует о разной степени типизированности рассказов о семье в разных этнических группах.

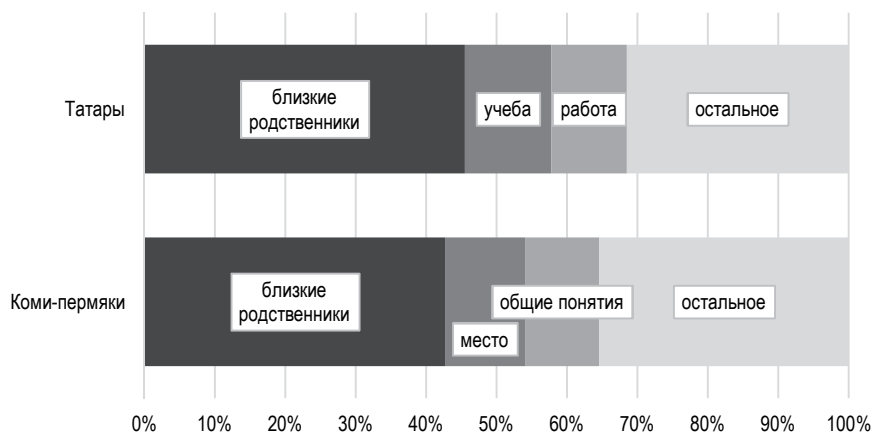

Рис. 8. Соотношение ядерных семантических компонентов тематического блока «Семья» в текстах коми-пермяков и татар, %

Рассмотрим лексический состав семантических групп, формирующих ядро текстового блока «Семья» в текстах коми-пермяков и татар.

У коми-пермяков семантическая группа «Бликие родственники» представлена 125 словоупотреблениями 28 лексем, большинство из которых встречается неоднократно: *сестра* (16), *муж* (11), *ребенок* (11), *брат* (10), *муж* (10), *мама* (9), *бабушка* (8), *отец* (7), *сын* (6), *мать* (4), *папа* (4), *родитель* (4), *дедушка* (3), *дочь* (3), *жена* (3), *близняшка* (2), *внук* (2) и др. Один раз при назывании близких родственников в текстах было использовано личное имя в полной форме (фамилия + имя + отчество) и шесть раз только имена родственников¹.

У татар данная семантическая группа включает 256 словоупотреблений 67 лексем. Наиболее частыми словами в текстах татар оказываются следующие: *дочь* (25), *сын* (24), *ребёнок* (17), *отец* (16), *внук* (14), *родитель* (13), *мама* (12), *муж* (11), *брат* (10), *сестра* (10), *дочка* (9), *бабушка* (8), *внучка* (7), *жена* (6), *мать* (6). Как видим, использованные коми-пермяками и татарами лексемы практически совпадают (что неудивительно ввиду закрытости семантической группы слов, обозначающих родственные отношения), однако лексическое разнообразие данной группы у татар значительно выше; оно достигается за счет активного использования не названий родственных связей, а личных имен родственников: татары используют и официальное именование по фамилии, имени и отчеству, и сочетание фамилии с именем без отчества, отдельные фамилии или имена в полной и ласкательной формах (всего в данной группе использовано 38 личных имен общей частотностью 42 словоупотребления).

Если подробнее рассмотреть пересечения семантических групп «близкие родственники» и «личные имена» у коми-пермяков и татар, оказывается, что у коми-пермяков в семантической группе «близкие родственники» доля личных имен составляет всего 5,6%, в то время как аналогичный показатель у татар достигает 16,4% (абсолютные числа представлены выше). И данные показатели, и общее число личных имен в текстах татар и коми-пермяков (см. рис. 7) свидетельствуют о большей открытости татар при рассказе о семье, а также о большем стремлении индивидуализировать каждого члена семьи, что в целом еще раз доказывает важность семьи при определении собственного места в мире.

Семантическая группа «место» у коми-пермяков объединяет 33 словоупотребления 19 лексем, называющих конкретные места рождения и проживания: самым частотным словом оказывается слово *деревня* (10), далее следуют название краевого центра *Пермь* (4) и слова *город* (2), *район* (2), остальные единицы – это слова с единичной частотностью, в основном названия населенных пунктов края (*Гырова*, *Кондратово*, *Мурмарова*, *Сеполь*, *Софронова*, *Юсьва* и др.). Таким образом, заметно стремление информантов вписать себя в конкретное пространство жизни.

В семантическую группу «общие понятия» у коми-пермяков вошло 28 словоупотреблений 7 лексем: *семья* (13), *человек* (5), *детство* (5), *жизнь*

¹ Из соображений об охране личных данных конкретные личные имена в тексте статьи не приводятся.

(2), *династия* (1), *женщина* (1), *рождение* (1). Как видим, коми-пермякам довольно важно определить основные категории, в которых описывается жизнь семьи.

Татары в семантической группе «учеба» использовали 69 словоупотреблений 35 лексем, обозначающих свое место учебы и место учебы своих родственников, специальности, по которым обучались или обучаются члены семьи, учебные группы, преподавателей, учебные предметы, а также успехи в учебе: *класс* (12), *школа* (10), *университет* (5), *курс* (4), *информатика* (3), *училище* (3), *группа* (2), *колледж* (2), *менеджер* (2), *детсад*, *дизайнер*, *диплом*, *лингвист*, *окончание*, *отличница*, *оценка*, *учитель* и др. Обращает на себя внимание тот факт, что процесс и результат учебы отражены в словнике весьма подробно и акцентируют внимание на достижении определенных результатов в процессе учебы – ее успешное окончание и получение специальности.

Семантическая группа «работа» является логичным продолжением группы «учеба» как реализация в социуме. Эта группа у татар включает 60 словоупотреблений 42 лексем, называющих различные профессии и места работы: *нефтяник* (4), *бухгалтер* (3), *работа* (3), *водитель* (2), *врач* (2), *директор* (2), *заслуга* (2), *компания* (2), *Лукойл* (2), *МАН* (2), *начальник* (2), *ООО* (2), *повар* (2), *почта* (2), *администрация*, *дело*, *ЗАО «Сургутнефтегаз»*, *коллектив*, *помощь*, *предприниматель* и др. Помимо собственно профессий и мест работы в словнике этой группы, так же как и в словнике семантической группы «учеба», присутствуют слова, указывающие на коллективы, и слова, определяющие успешность в карьере (*директор*, *заслуга*, *начальник*).

Таким образом, у коми-пермяков при рассказе о семье, внимание направлено на вписывание себя и членов семьи в общие категории и пространственное размещение, в то время как у татар оно сфокусировано на вписывании семьи в социальный контекст, а также на социальной успешности семьи.

Выводы

Предлагаемая иерархическая тематическая структура текста может рассматриваться как один из вариантов типологии текстов и как ответ на проблемы, поставленные А.А. Кибриком в [1. С. 4]. Данная структура включает не только иерархию тематических блоков, но и иерархию семантических групп, наполняющих эти блоки, и демонстрирует движение от макротемы (в нашем случае «Я, моя жизнь») к тематическим компонентам – блокам – и, далее, к лексическому наполнению этих блоков.

Соответственно, представленная модель учитывает, с одной стороны, макросинтаксическую (пропозициональную) иерархию текстовых блоков, с другой – конкретное семантическое наполнение каждого блока, причем принципиально новым является не только сама модель, но и фиксация реализации «нетипичных» семантических единиц в каком-либо блоке.

В статье для демонстрации подхода выбран параметр «этнос» билингва. В то же время разработанный иерархический подход к организации текстов

позволит проводить сравнение текстов, порожденных представителями разных этнических и социальных групп: билингвов и монолингвов с разными языками, гендерных, возрастных групп, жителей сельской местности и городов и т.п.

Как указывал А.А. Кибрик, собственно лексическое наполнение текста не является определяющим для жанра [1]. Выявленная в текстах, порожденных на втором языке билингвальных говорящих – коми-пермяков и татар, вариативность структуры, вероятно, не имеет жанровой природы, она не лингвистична, а социолингвистична. В статье показано, что даже использование второго – общего для данных групп говорящих – языка не привело к унификации структуры монолога.

Эта структура в русскоязычных текстах обладает ядром – встречающимися во всех рассказах о жизни частотными тематическими блоками со сходным объемом: в исследуемом материале это совпавшие в текстах информантов тематические блоки «Учеба» и «Работа», а также блоки, отражающие культурную специфику билингвов, – «Хозяйство» у коми-пермяков и «Семья» у татар; и неядерной зоной, в которой сосредоточены блоки с различным наполнением и блоки, уникальные для каждой исследуемой группы билингвов.

Для установления устойчивости/вариативности структуры устного текста «О себе» важны следующие параметры: сам набор тематических блоков, их повторяемость или уникальность; их количественная наполненность (на практике отражается в величине фрагмента монолога); семантические группы реализующей их лексики.

Анализ семантических групп лексики вне отнесения их к тематическим блокам, а в целом по тексту не показывает устойчивой структуры текста, поскольку в каждой исследуемой группе может участвовать в наполнении различных блоков (ср. пересечения семантических групп «природа» и «еда» в текстах коми-пермяков, «растениеводство» и «еда» в текстах татар, «близкие родственники» и «личные имена» в обеих этнических группах). Однако такой анализ оказывается показательным при качественном рассмотрении внутри тематического блока. Семантика лексических единиц показывает ценностные ориентации представителей этнических групп: как было показано на примере тематических блоков «Хозяйство» и «Семья», имеющих разный ранг в иерархии тематических блоков, коми-пермяки осмысляют хозяйство в основном как сбор даров природы и скотоводство и птицеводство, отражение традиционного уклада жизни; татары – как растениеводство и обустройство быта. Категория семьи также по-разному интерпретируется представителями двух этносов: для татар важны социальные характеристики членов семьи, их учеба и работа; коми-пермяки в большей степени ориентированы на пространственное размещение семьи и общие категории. Несмотря на то, что данные результаты можно рассматривать как в определенном смысле предварительные ввиду небольшого количества проанализированных текстов и несбалансированности выборки информантов, представленные выводы соотносятся с данными этнологов и социологов о ценностных ориентациях представителей двух этносов, что подтверждает работоспособность модели.

В целом интерпретация уровней иерархии тематической структуры текста различна: набор тематических блоков, их значимость для текста отражают социально-психологическую ценность этих «элементов жизни» для этнической группы; набор лексем, реализующих тематические блоки, показывает категоризацию сфер жизни, культурно-специфичный отбор объектов и явлений, соотносимых с темой.

Список источников

1. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
2. Кибрик А.А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / под ред. А.А. Кибрика, А.Д. Кошелева, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазуровой, О.В. Федоровой. М., 2015. С. 595–634.
3. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М. : Языки славянских культур, 2009. 736 с.
4. Kibrik A.A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // Slavic linguistics in a cognitive framework / M. Grygiel, L.A. Janda (eds.). Frankfurt am Main : P. Lang Publ., 2011. P. 273–304.
5. Hovy E. Recent trends in computational research on monologic discourse structure // Computational Intelligence. 1991. № 7. P. 363–366.
6. Polanyi L. Towards a formal analysis of discourse structure and interpretation // Text. 1990. Vol. 10, № 1/2. P. 81–85.
7. Asher N. Lexical Meaning in Context: A Web of Words. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 284 p.
8. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 317 с.
9. Moyano E.I. Theme in English and Spanish: Different means of realization for the same textual function // English Text Construction. 2016. Vol. 9, № 1. P. 190–219.
10. Dijk T.A. van. Semantic discourse analysis // Handbook of discourse analysis. London ; New York : Academic Press, 1985. Vol. 2: Dimensions of Discourse. P. 103–136.
11. Лурья А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
12. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
13. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов // Избранные труды: Язык – Речь – Творчество. М., 1998. С. 183–319.
14. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Смысл ; СПб. : Лань, 2003. 287 с.
15. Сахарный Л.В. Тема-рематическая структура текста: основные понятия // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. С. 7–16.
16. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М., 1976. С. 5–33.
17. Брудный А.А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М., 1976. С. 152–159.
18. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. 370 с.
19. Longacre R.E. The discourse strategy of an appeals letter // Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text / W.C. Mann, S.A. Thompson (eds.). N.Y. : John Benjamins Publ., 1992. P. 109–130.
20. Lebois L.A.M., Wilson-Mendenhall Ch.D., Barsalou L.W. Are automatic conceptual cores the gold standard of semantic processing?: The context-dependence of spatial meaning in grounded congruency effects // Cognitive science. 2015. Vol. 39, № 8. P. 1764–1801.

21. Duchastel J., Paquin L.-C., Beauchemin J. Automated syntactic text description enhancement: The thematic structure of discourse utterances // Computers and the humanities. 1992. Vol. 26, № 1. P. 31–42.
22. Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование. Пермь, 2018. 148 с.
23. Бергельсон М.Б. Дискурсивный анализ мини-нарративов в контексте структурированного интервью // Родной язык. 2017. № 2 (7). С. 74–98.
24. Буранова А.И. Тематическая организация диалектной речи: квантитативный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 35–38.
25. Земичева С.С., Иванцова Е.В. Тематическая разметка диалектного корпуса: опыт томских диалектологов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 45–61.
26. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа (на материале речи жителей сибирских сел) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 13–22.
27. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концепт «Семья» в устных автобиографических рассказах жителей Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 39–68.
28. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 153–211.
29. Блиникова И.В., Блиников Г.Б., Бобков А.Н., Алиева А.Э. Кросс-культурные различия в оценках эмоциогенных изображений: сравнение российской и азербайджанской выборок // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 1. С. 28–50.
30. Разумкова А.В. Коми, какие они? : Или автостереотипы и гетеростереотипы коми (зырян) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 1 (31). С. 188–202.
31. Dorofeev S., Grant P. Statistics for Real-Life Sample Surveys. Non-Simple-Random Samples and Weighted Data. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 266 p.
32. Erzhanova A., Kharkhurin A.V. The influence of prior language experience on foreign language anxiety: A study on a russian-speaking sample // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2022. Т. 19, № 3. Р. 448–464.
33. Русская речь коми-пермяков / науч. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2007. 72 с.
34. Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район / науч. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2012. 124 с.
35. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. Благовещенск : Благовещ. гос. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
36. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
37. Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Интерпретация темы при спонтанном порождении текста на русском языке билингвами // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 905–910.
38. Ерофеева Е.В. Несоциологическое исследование социальных идентичностей и ценностей: теоретическое обоснование, методы исследования, язык // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 90–102.
39. Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 7–16.
40. Дерябин В.С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. М. : ИЭА, 1997. Документ № 102. 22 с.

41. Шаббаев Ю.П. Этносоциальные последствия объединения регионов: (Из опыта формирования Пермского края) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 64–71.
42. Михалева А.В. К вопросу о соотношении этноконфессиональной и территориальной идентичностей у коми-пермяков Пермского края // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 134–149.
43. Попова Т.А. Особенности этнической идентификации и самоотношения у русских и коми-пермяков // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии : материалы науч. конф. / отв. ред. Л.А. Цветкова. СПб., 2010. Ч. 2. С. 148–150.
44. Михалева А.В. Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. № 5. С. 26–37.
45. Гарипов Я.З., Нурулина Р.В. Мусульманская молодежь Татарстана: конфессиональная социализация и ценностные ориентации // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 123–131.
46. Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е. Ценностные ориентации и удовлетворенность жизнью некоторых этносов Саратовского Поволжья // Проблемы социальной психологии личности / отв. ред. Р.М. Шамионов. Саратов, 2008. URL: https://psyjournals.ru/nonserpublications/sgu_socialpsy/contents/30284 (дата обращения: 07.10.2023).
47. Комарова И.Г. Уровни и типы этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 1 (5). С. 161–172.
48. Галиева Г.И. Татарская семья в демографическом измерении (этнорегиональный аспект). Казань: Центр инновационных технологий, 2010. 154 с.
49. Азисова Н.Н. Семейные традиции и ценности татар Мордовии // Регионоведение. 2013. № 4 (85). С. 241–251.
50. Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. «Культура имеет значение?»: Семейные и трудовые ценности русских и татар Башкортостана // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 6. С. 139–154.

References

1. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanzr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Mode, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 3–21.
2. Kibrik, A.A. et al. (eds) (2015) Kognitivnyy analiz diskursa: lokal'naya struktura [Cognitive analysis of discourse: local structure]. In: *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow. pp. 595–634.
3. Kibruk, A.A. & Podlesskaya, V.I. (eds) (2009) *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams: a corpus study of oral Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Kibrik, A.A. (2011) Cognitive discourse analysis: local discourse structure. In: Grygiel, M. & Janda, L.A. (eds) *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Frankfurt am Main: P. Lang. pp. 273–304.
5. Hovy, E. (1991) Recent trends in computational research on monologic discourse structure. *Computational Intelligence*. 7. pp. 363–366.
6. Polanyi, L. (1990) Towards a formal analysis of discourse structure and interpretation. *Text*. 10 (1/2). pp. 81–85.
7. Asher, N. (2011) *Lexical Meaning in Context: A Web of Words*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Sedov, K.F. (2004) *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: the evolution of communicative competency]. Moscow: Labirint.
9. Moyano, E.I. (2016) Theme in English and Spanish: Different means of realization for the same textual function. *English Text Construction*. 9 (1). pp. 190–219.
10. van Dijk, T.A. (1985) Semantic discourse analysis. In: *Handbook of discourse analysis*. Vol. 2. London; New York: Academic Press. pp. 103–136.

11. Luriya, A.R. (1979) *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow: Moscow State University.
12. Murzin, L.N. & Shtern, A.S. (1991) *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk: Ural State University.
13. Zhinkin, N.I. (1998) Razvitie pis'mennoy rechi uchashchikhsya III–VII klassov [Development of written speech of students in grades III–VII]. In: *Izbrannye trudy: Yazyk – Rech' – Tvorchestvo* [Selected works: Language – Speech – Creativity]. Moscow. pp. 183–319.
14. Leont'ev, A.A. (2003) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl; St. Petersburg: Lan'.
15. Sakhar'nyy, L.V. (1998) Tema-rematicheskaya struktura teksta: osnovnye ponyatiya [Theme-rheme structure of the text: basic concepts]. *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. 1. pp. 7–16.
16. Zimnyaya, I.A. (1976) Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya [Semantic perception of a speech message]. In: Drizde, T.M. & Leont'ev, A.A. (eds) *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (in the context of mass communication)]. Moscow. pp. 5–33.
17. Brudnyy, A.A. (1976) Podtekst i elementy vnetekstovykh znakovykh struktur [Subtext and elements of extra-textual sign structures]. In: Drizde, T.M. & Leont'ev, A.A. (eds) *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (in the context of mass communication)]. Moscow: pp. 152–159.
18. Zhinkin, N.I. (1958) *Mekhanizmy rechi* [Speech mechanisms]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR.
19. Longacre, R.E. (1992) The discourse strategy of an appeals letter. In: Mann, W.C. & Thompson, S.A. (eds) *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. N.Y.: John Benjamins Publ. pp. 109–130.
20. Lebois, L.A.M., Wilson-Mendenhall, Ch.D. & Barsalou, L.W. (2015) Are automatic conceptual cores the gold standard of semantic processing?: The context-dependence of spatial meaning in grounded congruency effects. *Cognitive science*. 39 (8). pp. 1764–1801.
21. Duchastel, J., Paquin, L.-C. & Beauchemin, J. (1992) Automated syntactic text description enhancement: The thematic structure of discourse utterances. *Computers and the humanities*. 26 (1). pp. 31–42.
22. Pavlova, D.S. (2018) *Semanticheskaya struktura ustnogo spontannogo teksta: sotsiolingvisticheskoe var'irovanie* [Semantic structure of oral spontaneous text: Sociolinguistic variation]. Perm.
23. Bergel'son, M.B. (2017) Diskursivnyy analiz mini-narrativov v kontekste strukturirovannogo interv'yua [Discourse analysis of mini-narratives in the context of a structured interview]. *Rodnoy yazyk*. 2 (7). pp. 74–98.
24. Buranova, A.I. (2012) Tematicheskaya organizatsiya dialektnoy rechi: kvantitativnyy analiz [Thematic organization of dialect speech: quantitative analysis]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika*. 12 (3). pp. 35–38.
25. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2020) Dialect corpus thematic markup: The experience of tomsk dialectologists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 45–61. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/3
26. Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2021) Memories About Grandparents in the Structure of an Autobiographical Story (On the Material of Siberian Villagers' Speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 13–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/2
27. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) The Concept “Family” in the Oral Autobiographical Stories of Siberians. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 27. pp. 39–68. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/27/3
28. van Deyk, T.A & Kinch, V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for Understanding Coherent Text]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 23. Moscow. pp. 153–211.

29. Blinnikova, I.V. et al. (2021) Kross-kul'turnye razlichiya v otsenkakh emotsiogennykh izobrazheniy: sravnenie rossiyskoy i azerbaydzhanskoy vyborok [Cross-cultural Differences in Emotional Image Assessments: Comparison of Russian and Azerbaijani Samples]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*. 1. pp. 28–50.
30. Razumkova, A.V. (2017) Komi, kakie oni?: Ili avtostereotipy i geterostereotipy komi (zyryan) [Komi, what are they?: Or autostereotypes and heterostereotypes of the Komi (Zyryans)]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1 (31). pp. 188–202.
31. Dorofeev, S. & Grant, P. (2006) *Statistics for Real-Life Sample Surveys. Non-Simple-Random Samples and Weighted Data*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Erzhanova, A. & Kharkhurin, A.V. (2022) The influence of prior language experience on foreign language anxiety: A study on a russian-speaking sample. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 19 (3). pp. 448–464.
33. Erofeeva, T.I. (ed.) (2007) *Russkaya rech' komi-permyakov* [Russian speech of the Komi-Permyaks]. Perm.
34. Erofeeva, T.I. (ed.) (2012) *Russkaya spontannaya rech' tataroyazychnykh bilingvov Permskogo kraja: Ordinskiy rayon* [Russian spontaneous speech of Tatar-speaking bilinguals of Perm Krai: Ordinsky District]. Perm.
35. van Deyk, T.A. (2000) *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State College named after I. A. Baudouin de Courtenay.
36. Babenko, L.G. (ed.) (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
37. Erofeeva, E.V. & Khudyakova, E.S. (2022) Interpretatsiya temy pri spontanном porozhdenii teksta na russkom yazyke bilingvami [Interpretation of the Topic in Spontaneous Generation of Text in Russian by Bilinguals]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 4 (51). pp. 905–910.
38. Erofeeva, E.V. (2014) Nesotsiologicheskoe issledovanie sotsial'nykh identichnostey i tsennostey: teoreticheskoe obosnovanie, metody issledovaniya, yazyk [Non-sociological Study of Social Identities and Values: Theoretical Justification, Research Methods, Language]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*. 2. pp. 90–102.
39. Erofeeva, E.V. & Khudyakova, E.S. (2012) Psikholingvisticheskoe issledovanie tsennostnykh ustanovok bilingvov (na materiale tematicheskoy gruppy “Chelovek”) [Psycholinguistic study of value-based attitudes of bilinguals (based on the thematic group “Man”)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2 (18). pp. 7–16.
40. Deryabin, V.S. (1997) *Komi-permyaki segodnya: osobennosti etnokul'turnogo razvitiya* [Komi-Permyaks today: features of ethnocultural development]. Seriya: Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii Instituta etnologii i antropologii RAN [Series: Research in applied and urgent ethnology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IEA, Document No. 102.
41. Shabaev, Yu.P. (2006) Etnosotsial'nye posledstviya ob"edineniya regionov: (Iz opyta formirovaniya Permskogo kraja) [Ethnosocial consequences of the unification of regions: (From the experience of forming Perm Krai)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3. pp. 64–71.
42. Mikhaleva, A.V. (2018) K voprosu o sootnoshenii etnokonfessional'noy i territorial'noy identichnostey u komi-permyakov Permskogo kraja [On the relationship between ethnoconfessional and territorial identities among the Komi-Permyaks of Perm Krai]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 1. pp. 134–149.
43. Popova, T.A. (2010) [Features of ethnic identification and self-attitude among Russians and Komi-Permyaks]. *Anan'evskie chteniya – 2010. Sovremennye prikladnye napravleniya i problemy psikhologii* [Ananyev Readings – 2010. Modern Applied Directions and Problems of Psychology]. Conference Proceedings. Part 2. St. Petersburg. pp. 148–150. (In Russian).

44. Mikhaleva, A.V. (2016) Etnokonfessional'naya identichnost' komi-permyakov Permskogo kraia [Ananyev Readings – 2010. Modern applied directions and problems of psychology]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*. 5. pp. 26–37.

45. Garipov, Ya.Z. & Nurulina, R.V. (2011) Musul'manskaya molodezh' Tatarstana: konfessional'naya sotsializatsiya i tsennostnye orientatsii [Muslim youth of Tatarstan: confessional socialization and value-based orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8. pp. 123–131.

46. Shamionov, R.M. & Bocharova, E.E. (2008) Tsennostnye orientatsii i udovletvorennost' zhizn'yu nekotorykh etnosov Saratovskogo Povolzh'ya [Value-based orientations and life satisfaction of some ethnic groups of the Saratov Volga region]. In: *Problemy sotsial'noy psikhologii lichnosti* [Problems of social psychology of personality]. Saratov. [Online] Available from: https://psjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30284 (Accessed: 07.10.2023).

47. Komarova, I.G. (2009) Levels and types of ethnic identity of the Tatars of the Tomsk region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (5). pp. 161–172.

48. Galieva, G.I. (2010) *Tatarskaya sem'ya v demograficheskom izmerenii (etnoregional'nyy aspekt)* [Tatar Family in the Demographic Dimension (Ethnoregional Aspect)]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.

49. Azisova, N.N. (2013) Semeynye traditsii i tsennosti tatar Mordovii [Family Traditions and Values of the Tatars of Mordovia]. *Regionologiya*. 4 (85). pp. 241–251.

50. Gabdrakhmanova, G.F. & Makarova, G.I. (2019) “Kul'tura imeet znachenie?”: Semeynye i trudovye tsennosti russkikh i tatar Bashkortostana [“Does Culture Matter?”: Family and Labor Values of Russians and Tatars of Bashkortostan]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 8 (6). pp. 139–154.

Информация об авторах:

Ерофеева Е.В. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия); научный сотрудник Института когнитивных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: elenerofee@gmail.com

Худякова Е.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: khudiakova.es@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Erofeeva, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics. Perm State University (Perm, Russian Federation); research fellow, Institute of Cognitive Research, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elenerofee@gmail.com

E.S. Khudyakova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: khudiakova.es@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023;
одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 03.04.2023;
approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 30.09.2024.